

Марцел Черны

Прага

Адольф Черный и белорусская литература

Публицист, поэт, переводчик и учёный Адольф Черный (Adolf Černý; 1864–1952 гг.)¹ был одним из главных представителей чешского полонофильства и последователем дела его близкого друга и наставника Эдварда Елинэка (Edvard Jelínek; 1855–1897 гг.). От романтическо-

¹ Основная литература о Черном: Tichý, F.: *Dílo a osobnost Adolfa Černého* [с библиографией за 1884–1924 гг.]. In: Frinta, A. Tichý, F. [edd.]: *Slovanský přehled 1914–1924. Sborník statí, dopisů a zpráv ze života slovanského k šedesátým narozeninám Adolfa Černého*. Praha 1925, s. 31–58; Grabowski, T. S.: *Adolf Černý – Jan Rokyta (1864–1952)*. In: Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан по случай 95-та му годишнина. София 1955, с. 213–223; Bartoš, O.: *Adolf Černý jako překladatel*. In: Horálek, K., Kurz, J. [edd.]: *Sborník slavistických prací, věnovaných IV. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě*. Praha 1958, s. 101–109; idem: *Adolf Černý, pěstitel česko-polské vzájemnosti*. Kandidátská disertace, FF UK, Praha 1959; idem: *Adolf Černý a Polsko*. Acta Universitatis Carolinae – Historia Universitatis Carolinae Pragensis 5, 1964, č. 1–2, s. 211–231; Лаптева, Л. П.: *Славянские связи Адольфа Черного (по данным неопубликованных документов)*. Slavia 66, 1997, č. 2, s. 203–210; статья включена в её книгу *История западных и южных славян в освещении русской историографии*. Санкт-Петербург 2013, с. 188–199; Hnízdová, R.: *Adolf Černý. Bibliografický soupis publikovaných prací*. Praha 1998; Kaleta, P.: *Ukrajinská problematika v díle Adolfa Černého*. Slovanský přehled 89, 2003, č. 2, s. 169–185; Chodějovský, J.: *Sorabika v osobním fondu Adolfa Černého*. In: Kaleta, P., Martínek, F., Novosad, L. [edd.]: Praha a Lužičtí Srbové. Sborník z mezinárodní vědecké konference ke 140. výročí narození Adolfa Černého (Praha 25.–26.11.2004). Praha 2005, s. 53–60; Kaleta, P.: *Češi o Lužických Srbech. Český vědecký, publicistický a umělecký zájem o Lužické Srby v 19. století a sorabistické dílo Adolfa Černého*. Praha 2006; Chodějovský, J.: *Polské dojmy Adolfa Černého*. In: Kaleta, P., Novosad, L. [edd.]: Cestování Čechů a Poláků v 19. a 20. století. Sborník z mezinárodní vědecké konference (Praha 6.–7.9.2007). Praha 2008, s. 100–126; Černý, M.: *Adolf Černý jako první český překladatel novodobé běloruské literatury*. Slavia 82, 2013, č. 1–2, s. 69–111.

го славянофильства и русофильства Черный окончательно вылечился во время первой научно-исследовательской командировки в Польшу и Россию (1889 г.), и для него большим разочарованием была в первую очередь русская инертность по отношению к другим славянам: *Печально, что наш самый сильный брат нисколько не заботится о нас остальных, бедных, его даже можно скорее бояться, чем ожидать от него чего-либо*². Черный был в сущности последователем первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика (Tomáš Garrigue Masaryk; 1850–1937 гг.). Политическое мышление и славянизм Масарика пересекаются с концепцией славянства Черного более, чем в одной точке и перекрывают друг друга. Молодому адепту науки была близка духовная атмосфера журнала «Athenaeum». Он научился у Масарика чтить правду и осмысливать изучаемые явления реально, без ненужных прикрас и идеологической деформации. К различиям же относится в первую очередь понимание ими славянского вопроса: А. Черный не видит в нём религиозного момента в качестве центрального (как Масарик), однако его решение, с точки зрения Черного, заключается в демократизации и освобождении подъяремных народов – поэтому Черный и борется за национальные права украинцев и белорусов, которых Масарик не считал самостоятельными народами³. Но наиболее ясно Черный осветил будущую роль России в международной политике в работе «О славянской взаимосвязи в настоящее время» (1906 г.): только демократизированная Россия может решить длящийся более века русско-польский конфликт и найти качественно новые и сбаланси-

² Отрывок из письма А. Черного (13 сентября 1889 г.) чешскому украинисту Франтишкеу Гржегоржу (František Rehoř; 1857–1899): «Já jsem se vrátil teprv před třemi dny, když jsem již musil, i žiji dosud pod svěžími dojmy zajímavé pro mne cesty. Poznal jsem mnoho lidí, navázal nové styky, viděl jsem nové, různé poměry, doplnil i opravil jsem své pojmy o vzájemném postavení Rusů k jiným Slovanům, zvláště Polákům atd. Poslední jest nevelmi potěšitelné. Je to smutné, že nejsilnější náš bratr pranic nedbá o nás ostatní ubohé, ba že jest se ho spíše obávati než od něho něco očekávati.» Цит. по Bartoš, O.: *Vztah českých polonofilů k Rusku*. Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury 7, 1963, s. 56–57.

³ Срв. Bartoš, O.: *Adolf Černý, pěstitel česko-polské vzájemnosti* [op. cit., сноска 1], s. 39–43; Д. Коленовска (*Běloruská emigrace v Československu (1918–1938)*). Soudobé dějiny 14, 2007, č. 1, s. 83) цитирует интересный документ-инструкцию для Эдварда Бенеша (Edvard Beneš; 1884–1948) с 30 апреля 1919 г. (по мнению автора, возможно, написанную Масариком), где можно прочесть: «[...] byl u mne včera minister[ský] předseda Běloruské republiky, ucházející se o naši mravní a pokud možno i politickou pomoc. Přijdou k Vám, vyloží Vám věc a dají memoranda. Ta Běloruská republika je ovocem ruského rozkladu; měli by zůstat Rusy a basta! Jak Ukrajinci [т. е. они также как украинцы должны остаться русскими; М. Ч.]».

рованные отношения со всеми славянами в целом⁴. Для публицистики Черного, как этого периода, так и вообще всей его жизни, характерно выражение сопереживания национальным меньшинствам, более слабым народам, отданным на милость государственной гегемонии. Это привело его к тому, что Черный сосредоточился сначала на славянской Лужице в Германии, а в последующие годы также – на словаках в Венгрии, македонцах (македонских болгарях) под властью Османской империи, на восточно-галичских украинцах под австрийским игом, словенцах в Италии (в долине реки Резьи), на кашубах в польской Померании или как раз на белорусах, которые жили, разбросанные в четырёх регионах на своих исторических территориях, отошедших к Польше, Литве, Латвии и России.

Черный оказал неоценимую услугу всей славянской литературе, основав и долгие годы издавая единый культурно-политический журнал «Slovanský přehled» (он тоже известен под названием в переводе на русский язык как «Славянский обзор»; 1898–1914 гг.), который объединял ряд выдающихся экспертов славянского мира. Основной принцип нового журнала (сформулированный Адольфом Черным в предисловии «Slovo úvodní» к первому номеру издания, октябрь 1898 г.) состоял в том, чтобы брать во внимание все насущные проблемы славянской современности, не переступать через них, но преодолевать посредством вдумчивого анализа и переговоров в духе слов «*vzájemnost slovanská, postavená na základě pravdivého vzájemného poznání, bude pevnější stavbou, než kdyby se opírala o pouhé mlhovité horování beze všeho základu*».

С точки зрения всего послевоенного развития славянства стоит отметить тот факт, что для большевистской Октябрьской революции 1917 года Черный – в отличие от чешского левого движения – не нашёл восторженных эпитетов похвалы и восхищения. Большевиков он, например, называет (в статье «Русская загадка»⁵) *догматиками, не заботящимися о будущем народа*, который является для них только человеческим материалом для социальных экспериментов. Великий октябрь является для Черного прямым результатом ненавистного царского культа и диктаторского угнетения. В предисловии к польскому переводу эссе Масарика «О большевизме» (1921 г., на польском языке

⁴ Срв. Černý, A.: *O slovanské vzájemnosti v době přítomné*. Naše doba 13, 1906, s. 650–658, 735–740, 807–813.

⁵ Срв. Černý, A.: *Ruská záhada*. Česká stráž 1, 1918, č. 15, 21. 6.; тоже в его книге *Slovanstvo za světové války. Studie, úvahy a črty z doby válečného převratu*. Plzeň 1919, s. 136–141.

ке 1922 г.) Черный (в поддержку мнения Масарика) пишет, что коммунистическая программа Ленина не является реальным марксизмом, но *революционным анархизмом, возможно синдикализмом*. Ленин и его последователи представляют собой экономический и культурный примитивизм русского неграмотного мужика, а классовая борьба Ленина напоминает тактику Ивана Грозного:

Komunistyczny program Lenina, według Masaryka, nie jest właściwym marksizmem, za jaki go Lenin niewłaściwie uważa; program ten jest raczej anarchizmem rewolucyjnym, ewentualnie syndykalizmem, niż socjalizmem. Lenin i jego zwolennicy reprezentują ekonomiczny i kulturalny prymitywizm rosyjskiego, niepiśmiennego chłopca (mużyka). Taktyka Lenina zanadto przypomina taktykę Iwana Groźnego. Bolszewizm rosyjski nie pokonał caratu rosyjskiego. Wśród bolszewików są idealisci, są też teoretycy, lecz nie stanęli oni na wysokości zadania, które podjęli. Wśród Czechów bolszewizm określano nieraz jako objaw niesłowiański, nierosyjski [...]. Rosja przechodzi ciężkie przesilenie, które jest spowodowane nie samym bolszewizmem, lecz odwiecznym rozwojem dziejowym. Bolszewizm Lenina jest skutkiem caryzmu Romanowów. Bariera mniejszych sąsiednich państw nie ocali Europy od bolszewizmu – bolszewizm powinien być wszędzie pokonany drogą moralną, drogą reform socjalnych, oraz drogą wykształcenia politycznego⁶.

В перспективе современной Европы, приговор «Великой» октябрьской социалистической революции, вынесенный Масариком, а с ним и Черным, звучит не только привлекательно, но и воспринимается как предвидение.

Для переводов Черный, как поэт, выбирал главным образом авторов, близких его сердцу, и это относится в первую очередь к поэзии Юлиуша Словацкого (Juliusz Słowacki; 1809–1849 гг.), Гандрия Зейлера (Handrij Zejler; 1804–1872 гг.), Якуба Барта-Чишинского (Jakub Bart-Ćišinski; 1856–1909 гг.), Юлиана Тувима (Julian Tuwim; 1894–1953 гг.), Казимежа Пшервы-Тетмайера (Kazimierz Przerwa-Tetmajer; 1865–1940 гг.), Йосипа Милаковича (Josip Milaković; 1861–1923 гг.), Сильвия Страхимира Краньчевича (Silvije Strahimir Kranjčević; 1865–1908 гг.), Ивана Франко (1856–1916 гг.), Антона Ашкерца (Anton Aškerc; 1856–1912 гг.), Отона Жупанчича (Oton Župančič; 1878–1949 гг.), Александра Блока (1880–1921 гг.) и др. Несмотря на то, что Черный не выдвинул собственной теории перевода и его стихотворные переводы вливаются в могучий поток многочисленных перевод-

⁶ Masaryk, T. G.: *O bolszewizmie*. Tłum. A. B. Dostal. *Słowo wstępne* [s. 5–12] napisał A. Czerny. Warszawa 1922, s. 9–10.

чиков так называемого «лумировецкого»⁷ типа, у него были свои методы перевода, о которых он написал в предисловии к первому тому чешского издания «Стихотворений» С. С. Краньчевича. Доминантой для Черного является стремление точно донести оригинальный размер, т. е. переводить так, чтобы не терять в иноязычных формах ни одного качества – ни просодического, ни содержательного. Переводы сложных иносказаний Черный считает временными, так как они точно не передают смысл оригинальных текстов: *Přiznám se také, že mnohdy jsem narážel na obtíže, které se mi zdály nepřekonatelné. Přesto jsem se od originálu neuchýlil nikde ani rozměrem, kromě básně Kristus dítěti v chrámu. Překlad její v rozměru odchylném nepovažuji za definitivní, ale že je báseň pro Kranjčeviče tak příznačná, dávám ji do českého výboru zatím v této formě*⁸. Применение принципа быть параллельно оригиналу принесло ему относительный успех, особенно в краткой песенной лирике. Однако в больших эпических композициях, например в «Короле Духе» (польский оригинал «Król-Duch», 1845–1849; перевод Черного «Kráľ Duch», 1939) Ю. Словацкого, написанного в трудно рифмуемых одиннадцатистопных октавах, он был вынужден использовать весь объемный арсенал лумировецких неологизмов, поэтизмов или буквального перевода, которые вместе с запутанным и сложным синтаксисом мешают ясности, плавности и естественности поэтической речи. Это не умаляет прогрессивных и инновационных моментов как в его собственном поступательном движении, так и при оценке работы других переводчиков. Черный последовательно регистрировал и комментировал чешские переводы из славянской литературы и требовал профессионального подхода к переводческой работе на основе сравнения с оригиналом:

Vím [...], jaké překlady vycházejí i z per uznávaných překladatelů, – a vím, jak se u nás stejně odbývá překlad dobrý i špatný. Jednou, roztrpčen nedbalými překlady, chtěl jsem podle sil svých ukázati, jak bych si překládání představoval, i vydal jsem s tímto úmyslem *Tré povídek* El. Orzeszkové. Nikdo si vůbec ani nevšiml, jsou-li mé překlady lepší, nebo špatnější než jiných. [...] jest nutno vůbec jiné stanovisko zaujímati k překladům [...] jest nutno opravdu

⁷ Этот термин наименован по названию журнала «Лумир» (Lumír), который в промежутке 1877–1898 гг. – когда его главредом был писатель и переводчик Йозеф Вацлав Сладэк (Josef Václav Sládek; 1845–1912) – являлся трибуной «лумировцев», т. е. представителей чешского литературного космополитизма.

⁸ Kranjčevič, S. S.: *Básně* [I.]. Přel. a Předmluvu [s. 5–6] napsal A. Černý. Praha 1911, s. 6.

je srovnávati kriticky s originálem. Zavládne-li v posudcích takováto kritičtější metoda, zavládne také jiný poměr překladatelů k překladatelské práci⁹.

Фактически это требование начало систематически применяться в профессиональной практике перевода только после 1945 года, когда качество переводов обеспечивали преподаватели и редакторы в национализированных издательствах. По крайней мере, в этом предвидение Черного сбылось.

Адольф Черный преуспел как ярый сторонник **белорусского** национального движения и первый современный представитель чешско-белорусских литературных связей¹⁰. Для понимания современной культурно-политической эмансипации и литературных усилий белорусского народа в чешской среде он, несомненно, сделал более всего на пике этого процесса, то есть после 1906 года. Беларусь он лично посетил в 1889 году (потом снова в 1897 г.) и опубликовал свои впечатления через пять лет в виде серии «Воспоминаний из Литвы и Беларуси»¹¹. К современному белорусскому движению он присоединился, написав эссе в журнале «Zlatá Praha»¹², в котором с энтузиазмом приветствовал новый белорусский еженедельник «Наша доля», издаваемый в Вильно в двух вариантах (кириллицей и латинским шрифтом). В этой статье есть примат: Черный украсил её вообще первым чешским переводом белорусского авторского поэтического текста – первыми двумя строфами знаменитой «грустной думки» «Наш родны край» Якуба Коласа (1882–1956 гг.; собственное имя Канстанцін /Кастусь/

⁹ Č. [= Černý, A.]: [rec. O. Kolman: *Srbsko-chorvatsko-český slovník D. Dajčičiće a F. Šobry*. Zvl. ot. Prilozi za književnost, jezik, istoriju, knj. 7, Beograd 1927. – *Dva české překlady Njegošova „Horského věnce“*. Zvl. ot. Slavia 6, 1927–1928, 394–454]. Slovanský přehled 20, 1928, s. 145.

¹⁰ Срв. Мажэйка, А., Фактаровіч, Д.: *З гісторыі чэшска-беларускіх літаратурных сувязей*, «Польмя» 1957, № 1, с. 178–179; Židlický, V.: *Příspěvky k dějinám česko-běloruské vzájemnosti*. «Slavia 29» 1960, s. 225–228; Krhoun, M.: *Češi a počátky běloruského národního a literárního hnutí v prvním desetiletí 20. století*. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity D (Řada literárněvědná) 13, 1964, č. 11, s. 50, 56; Мажэйка, А.: *Беларуская літаратура ў чэшкіх перакладах*. In: Перкін, Н. С. [ed.]: *Садружнасць літаратур*. Мінск 1968, с. 105–108; Luptovcová, J., Kuncová, R.: *Běloruská kultura a literatura 19. a začátku 20. století v českých zemích*. In: Kšicová, D. [ved. kol.]: *Východoslovenské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*. Brno 1997, s. 164–166; Саламевіч, І. У.: *Чэрны (Černý) Адольф*, (в:) Пашкоў, Г. П. [et al.]: *Беларуская энцыклапедыя: у 18 тамах XVII*. Хвінявічы – Шчытні. Мінск 2003, с. 333.

¹¹ Černý, A.: *Vzpomínky z Litvy a Bělorusi*. Světozor 28, 1893–1894, s. 534–535, 550–552, 558, 570–571.

¹² Černý, A.: *Feuilleton*. Zlatá Praha 24, 1906–1907, č. 3, s. 38, 26.10.1906.

Міхайлавіч Міцкевіч). Более подробную версию своего эссе вскоре после этого он отправил в журнал «Čas», который опубликовал его в ноябре 1906 года¹³. Здесь Черный представил прозаический пересказ стихотворения «Наш палетак» близко ему не известного Мацея Крапиуки, за личностью которого скрывалась первая белорусская поэтесса Цётка (1876–1916 гг.; собственное имя Алаіза Сцяпанаўна Пашкевіч):

Глеба чорна, ў руках сіла,
Толькі нашых гаратаяў
Некась мара ўсё звадзіла
Гэн за межы да выраяў...
Наш сявец ня раз там кідаў
Залатое зерне з жмені;
Ён не раз там плёны выдаў,
А у нас раслі каменні.
Наш палетак не араты,
Пальнамі цвіце ніва.
Ну-ка, братцы, кумы, сваты,
Да работы станьма жыва!
Хто араці добра зможа,
Хто разоры скоро ладзіць,
Хто шчасліва сее збожжа,
Хто гароды добра садзіць, –
Жыва, жыва за работу!
Без аглядкі, хто што можа,
Усе роўны без расчоту,
Усіх праца будзе гожа!¹⁴

Půda jest černá, úrodná,
ruce naše jsou zdravé, silné –
ale jakási přišera zaváděla nás na mez
a nutila orati cizí roli,
náš rozsévač často tam házel
zlaté zrní,
jež tam neslo hojný užitek,
co u nás rostlo kamení.
Naše poličko nezoráno,
peluňkou kvete niva –
hola, bratří,
vzhůru k práci!
Kdo umí orati,
půdu urovnávatí,
kdo dovede dobře síti,
štěpy sázeti –
chutě, chutě do práce!
Bez ohledu, kdo co dovede,
všichni jsme si rovni bez rozdílů,
všech práce bude vítána!¹⁵

В конце своего очерка он обнародовал почти полный поэтический и рифмованный перевод стихотворения «Наш родны край». Отсутствуют только четвертая и седьмая строфа, но эти части он перевёл немного позднее и опубликовал в своём ревью «Slovanský přehled». Как пример метода переводческой работы Черного и также из-за факта, что

¹³ Černý, A.: *Běloruský časopis* [I–II]. Čas 20, 1906, č. 327, s. 2, 27. 11; č. 328, s. 2, 28. 11. Александр Мажейка (*Беларуская літаратура ў чэшкіх перакладах* [ор. cit., сноска 10], с. 107, утверждая: «Фрагменты перекладу верша Я. Коласа былі змешчаны А. Чэрным пазней і ў часопісе «Zlatá Praha»»), не прав, когда эссе из журнала «Zlatá Praha» (с 26 октября 1906 г.) характеризует как более позднюю выборку из статьи в журнале «Čas» (с 27 и 28 ноября 1906 г.) и не ссылается на источник этой ошибки – статью чешского украиниста и белоруссисста Мечислава Кргоуна; срв. Křhoun, M.: *Češi a počátky běloruského národního a literárního hnutí v prvním desetiletí 20. století* [ор. cit., сноска 10], с. 52.

¹⁴ Цётка, *Творы*, Мінск 1976, с. 83.

¹⁵ А. Černý, *Běloruský časopis* [I.]. Čas 20, 1906, č. 327, s. 2, 27. 11.

на существенное различие этих двух переводов до сих пор не обратили внимания ни чешская белорусистика, ни белорусская богемистика, позволим привести эти тексты параллельно с подлинником:

Наш родны край

Край наш бедны, край наш родны!
Лес, балоты і пясок...
Чудь дзе крыху дуг прыгодны...
Хвойнік, мох ды верасок.

А туманы, як пялёнка,
Засцілаюць лес і гай.
Ой ты, бедная старонка!
Ой, забыты Богам край!

Наша поле кепска родзіць,
Бедна тут жыве народ,
У гразі жыве ён, ходзіць,
А працуе – льецца пот.

Пазіраюць сумна вёскі,
Глянеш – сэрца забаліць.
На дварэ – паленне, пёскі,
Куча сметніку ляжыць.

Крыж збуцвелы пры дарозе,
Кучка топаляў сухіх...
Сцішна, нудна, бы ў астрозе
Ці на могілках якіх.

А як песня панясецца –
Колькі ў песні той нуды!
Уцякаў бы, бег, здаецца,
Сам не ведаеш куды.

Край наш родны, бедна поле!
Ты глядзіш, як сірата,
Сумны ты, як наша доля,
Як ты, наша цёмната.

(подлинник¹⁶)

Náš rodný kraj

Kraji bědný, kraji rodný!
Písek, močály a les;
sotva záhon uzříš plodný –
zase chvoj a mech a vřes.

Bílé mlhy zastírají
les i háj i oblohu...
Oj, ty bědný, smutný kraji,
zapomněný od bohů!

Naše pole špatně rodí,
lid náš ubohý a chud
v blátě, prachu, v bídě chodí,
úděl jeho pot a trud...

[4-ая строфа отсутствует]

Kříže trčí nad cestami,
topol nade štíty střech –
ticho, jako pustinami
chodil bys či po hrobech.

A když píseň nad kraj vzletí,
co v ní smutku slyšíš lkát!
Že bys měl – tak při tom je ti –
na kraj světa utíkat...

[7-ая строфа отсутствует]

(1-ая версия¹⁷)

Náš rodný kraj

Kraji bědný, kraji rodný!
Bahna, písek, suchopár...
Zřídka luh se kmitne vhodný...
Mech a vřes, to náš je dar.

Husté mlhy zakrývají
plnou háje, lesy nám.
Oj, ty bědný, rodný kraji,
na něj zapomněl Bůh sám!

Naše pole level rodí,
chudobný zde žije rád;
v blátě ubohý se brodí,
pracuje, že v tváři pot.

Smutně stojí naše vísky,
hledíš – srdce zabolí.
Na dvorečku dříví, třísky,
na smetišti sláma tlí.

U cesty kříž vypíná se,
dva, tři suché topoly...
Ticho, smutno – chodci zdá se,
že je mrtvých na poli.

A když píseň zahlaholí,
jaký se v ní chvěje žal!
Smutek, že až srdce bolí,
že bys před ní prchl v dál.

Kraji rodný! Bědná's posud,
opuštěná sirota.
Zoufalý jsi jak náš osud –
jako naše temnota...

(2-ая версия¹⁸)

В первой версии Черный переводил неточно (стилистически неловко звучит напр. «záhon plodný» или «Kříže trčí»; во второй строфе творительный падеж единственного числа «Богам» он ошибочно перевёл множественным числом «od bohů»), ради рифмического эффекта он использовал архаическую лексику («chud – trud») и порядок слов у него временами весьма неестественный («ticho, jako pustinami / chodil bys či po hrobech.»). Вторая версия гораздо лучше и ввиду художественной реализации удачнее, чем первая: вместо «чистой» рифмы он использует фольклорные ассонансы («suchopár – dar», «nám – sám», «žal –

¹⁶ Я. Колас, *Вершы 1898–1917*. Збор твораў: у 14 тамах, Мінск 1972, т. 1, с. 22.

¹⁷ A. Černý, *Běloruský časopis* [II.]. Čas 20, 1906, č. 328, s. 2, 28. 11.

¹⁸ A. Černý, *Běloruské snahy národní a literární v [letech] 1909–[19]10*, «Slovanský přehled» 13, 1910–1911, s. 414–415.

dál»); исправляет даже недосмотр с переводом формы «Богам» («zapomněl Bůh sám!»).

Факт перевода белорусского стихотворения «Наш родны край» на чешский язык следует понимать как знаменательный жест, исполненный символического значения, который свидетельствовал о возможности равноправия белорусского языка и белорусской литературы как во всероссийском, так и в общеевропейском контексте, что с удовлетворением констатировала белорусская литературная наука: [...] *у часы, калі адмаўляліся правы беларускай мовы і літаратуры, калі некаторыя «тэарэтыкі» імкнуліся давесці, што беларуская літаратура ў лепшым выпадку можа існаваць толькі як рэгіянальная, этнаграфічная, чэшскія пераклады ўзьялі яе ў ранг не толькі агульнарасійскай, але і еўрапейскай з'явы*¹⁹.

В январе 1909 года журнал «Čas» опубликовал в двух частях эссе Черного о юбилейном номере белорусского еженедельника «Наша Нива»²⁰. Важен факт, что в этот текст Черный включил одну оригинальную и три переведённые строфы из финала стихотворения «Ужо днее» Янки Купалы (1882–1942 гг.; собственное имя Иван Дамінікавіч Луцэвіч), благодаря чему он в первый раз представил позднейшего белорусского классика чешской читающей публике:

Здушылі мне голас на родных на нівах;
Крыж цяжкі упадку з народам нясла,
И думаў чужынец, што ўжо я няжыва.
Не верце! Жыву, як ад векаў жыла!

Я ўсё, колькі сілы, змагала, ўставала!
Я жыва! Народ мой са мною, пры мне!
Я ўсё перанесла і выйшла я з хвалай,
Я сільна, я вечно ў сваёй старане!

Прайшло засляпенне, мінае трывога;
На небе ўжо новая відна зара.
Шырок прада мною гасцінец-дарога.
Ужо днее! ўжо днее! – к сваім мне пара!²¹

Můj zdušili hlas, lán rodný kde, niva,
já s lidem nesla jsem úpadku kříž.
I řekl si cizinec: není už živa.
Ó nevěřte! Žiju, jak před věky již!

Vždy vstát jsem se snažila, co bylo síly!
Já žiju! A se mnou můj národ, můj lid!
Já všechno jsem snesla a blížím se cíli,
jsem silna, jsem věčna, zde vždy budu žít!

Už minula slepota, úzkost též mine,
už na nebi východním Jitřenku zřím.
Hle, přede mnou široká cesta se vine.
Už svítá! Už dní se! – čas domů jít, k svým!²²

Предметом рефлексии Черного является в особенности ренегатство (собственно, добровольная русификация), в которое впал ряд белорусских интеллектуалов. Ни в коем случае речь не идёт о какой-либо

¹⁹ А. Мажэйка, *Беларуская літаратура ў чэшскіх перакладах* [ор. cit., сноска 10], с. 106.

²⁰ А. Černý, *Z Bělorusi I–II*. Čas 23, 1909, č. 16, s. 2–3, 16. 1.; č. 20, s. 2–3, 20. 1.

²¹ Я. Купала, *Вершы. Пераклады 1908–1910*. Поўны збор твораў: у 9 тамах, Мінск 1996, т. 2, с. 30.

²² А. Černý, *Z Bělorusi I*. Čas 23, 1909, č. 16, s. 2, 16. 1.

фанатичной русофобии, потому что Черный считает, что белорусское движение чтит *великую русскую культуру и её великих представителей – но оно не любит обрусения, исходящего от белорусов*. Гуманистическая идея заставляет чешского последователя Масарика защищать *новый славянский вопрос – вопрос белорусский* и против *истинных славян*, которые будут ущемлены этим отвратительным *отступничеством* (имеется в виду от *великой русской нации*), как законное требование на полноценное существование пробудившегося народа:

К свабодзе, роўнасці і знанню
Мы працярэбім сабе след!
І будзе ўнукаў панаванне
Там, дзе сягоння плача дзед!²³

K svobodě, rovnosti a osvětě prorazíme si cestu, i budou vnukové vládnouti tam, kde dnes pláče děd!» Uvědomění politické a osvěta jest heslem běloruských buditelů, stojících na výši ducha současné doby. A nové hnutí právě svými snahami osvětovými získává si lid, právě tím, že mu podává světlo vědění jazykem jeho rodným, jemu srozumitelným, dobývá si půdy v lidu. [...] Nepochybujeme ovšem, že ruská vláda nepůjde za hlasem osvěcených Rusů, nýbrž za hlasem «pravých» Rusů [...]. Bude nové nutí pronásledovati a potlačovati – ale tím ho nezadrží, nýbrž jen ještě podnítí. Bělorusové sami jsou odhodláni vytrvati při svém díle, které především směřuje k lidskému probuzení národa a k jeho osvícení – a jsou pevně přesvědčeni, že cíle svého dosáhnou, že lid se probudí a nedá se od svých práv odstrkovati. [...] «Máme tedy novou otázku slovanskou – otázku běloruskou,» sprásknou ruce «praví» Slované. Jakáž pomoc – život jde svou cestou. Bylo by dojistá lépe, kdyby se naše nářečí tak nerozcházel a kdybychom měli jediný společný jazyk literární. Ale skutečnost je jiná. Ukazuje to fakt, že ani železná moc ruského absolutismu nedovedla potlačití rozdělení ruského jazyka na tři řeči literární: velkoruskou, maloruskou a nyní běloruskou. [...] stavěním násilných překážek novému hnutí se věci slovanské neposlouží. Násilím a kaceřováním [...] budou i z Bělorusů nepřátelé slovanské myšlenky²⁴.

Всеобъемлющее исследование, посвящённое белорусам, Черный опубликовал в своём «Славянском обзоре» 1911 г. под названием «Национальные и литературные белорусские устремления в 1909–1910 го-

²³ Черны в свой текст включил тоже финал знаменитого поэтического воззвания Я. Купалы «Ворагам Беларушчыны».

²⁴ А. Černý, *Z Bělorusi I–II*. [op. cit., сноска 20].

дах»²⁵. Без колебаний этот труд можно считать началом чешской литературоведческой белорусистики (белорусоведения)²⁶.

Основные наблюдения и выводы данной работы могут быть сведены к нескольким постулатам: главной особенностью белорусской литературы является её демократический характер (белорусское национальное движение «*vyšlo přímo z lidu, vyvolali je do života synové selských rodů běloruských, kteří také své dílo opřeli přímo o lid*»; с. 218); культура элит или культура, взятая у других народов, похожа на парниковое растение: единственно жизнеспособная культура – широко национальная, родная, домашняя; ни подражание польской культуре, ни обрусение не в состоянии дать белорусам то, что рождено в народе, что они могут черпать из белорусского национального культурного процесса; сильную позицию русской культуры должна уравнивать взаимность белорусско-украинской культуры²⁷, белорусское возрождение должно брать творческие импульсы и стимулы из зрелой, типологически и генетически близкой (*národnostně, zeměpisně, historicky i stejně nepřiznivými poměry politickými*; с. 220) украинской культуры; белорусы не должны быть оружием в руках русских против поляков или поляков против русских (*My Bělorusové chceme, aby nám bylo přáno slobodně rozvíjeti svoji lidskou duši, svoji národní kulturu; a již pro tuto věc nemůžeme domáhati se útisku jiných národův. My stejně ctíme Poláka, Rusa i Žida, neboť všichni jsou lidé, všichni chtějí žítí a rozvíjeti se. Naše budoucnost není založena na nenávisti proti jiným národnostem ani na touze po přemožení a pokřivdění jich [...]. Bělorusové nechtějí býti zbrání v ru-*

²⁵ А. Черный, *Běloruské snahy národní a literární v [letech] 1909–[19]10*. «Slovanský přehled» 13, 1910–1911, s. 217–223, 401–416. Первую часть этой статьи (с. 217–223) Черны перепечатывает под названием *Běloruské snahy národní a literární I–II*. Čas 25, 1911, č. 48, s. 2–3, 17. 2.; č. 49, s. 2–3, 18. 2.; и продолжение (с. 401–409) под тем же самым названием как в «Славянском обзоре»: *Běloruské snahy národní a literární v letech 1909–[19]10*. Čas 25, 1911, č. 203, s. 2–3, 25. 7.; č. 204, s. 2–3, 26. 7.; č. 205, s. 2–3, 27. 7.; все ссылки на полную версию в журнале «Slovanský přehled».

²⁶ Срв. Krhoun, M.: *Češi a počátky běloruského národního a literárního hnutí v prvním desetiletí 20. století* [op. cit., сноска 10], s. 54; idem: *Náčrt vývoje běloruské literární vědy*. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity D (Rada literárněvědná) 19–20, 1971, č. 17–18, s. 178.

²⁷ Но одновременно он ощущал тоже отрицательную сторону этого родства: «Українстві jest jen výsledkem přirozené diferenciacie ruské větve. Diferenciacie ta bude asi ještě postupovati: biologickou její silou odloučí se snad [!] ještě Bělorusové – počátkové národního uvědomění a národní literatury už se na Bělorusi ukazují. Stane-li se to, nebudeme ani to považovati za neštěstí pro Slovanstvo, poněvadž to jest děj přirozený. Ale neblahou věcí by bylo, kdyby měl v zápětí násilí a kdyby měla proto vzniknouti palčivá otázka běloruská, tak jako vznikla otevřená otázka maloruská.» А. Черный, *Slovanské sjezdy r. 1908. Poznámky a úvahy*. «Slovanský přehled» 11, 1908–1909, s. 69.

kou Rusů proti Polákům ani v rukou Poláků proti Rusům – a nebudou.; с. 223²⁸); наибольшая слабость белорусского движения – вопрос образования, будущее принадлежит прогрессивному студенчеству²⁹. В разъяснение Черный снова органически вводит образцы белорусской поэзии. Основное внимание уделено Я. Купале и его ключевому тексту «А хто там ідзе?», который *chmurnou, ale vážnou a rozhodnou prostotou otrásá a přesvědčuje do hlubin – a zároveň nanejvýš přiléhavě charakterizuje celý probuzenský ruch běloruský* (с. 410–411) и уже на момент создания считался квинтэссенцией белорусского национального движения, поэтическим манифестом с гуманистической идеей («Людзьмі звацца») и неофициальным национальным гимном³⁰. Это стихотворение до сих пор существует в общей сложности в трёх вариантах чешского перевода: после Черного его в 1935 году перевёл великий пропагандист украинской и белорусской литературы, славист и ученик Черного в практике перевода Франтишек Рут Тихий (František Rut Tichý; 1886–1968 гг.; он писал и под псевдонимом Зденек Броман /Zdeněk Broman/) ³¹, а третий перевод был опубликован в антологии «Básníci Bílé Rusi» («Поэты Белой Руси», 1955 г.) в варианте известного поэта и опытного переводчика Камила Беднаржа (Kamil Bednář; 1912–1972 гг.):

A хто там ідзе?

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

Kdo tam jde?

Kdo jde to tam? hoj, kdo se blíží sem
ohromným, nepřehledným zástupem?
– Bělorusi.

²⁸ Эту показательную цитату Черны заимствовал из критической реакции «Нашей Нивы» (1910, с. 757) на статью «Поляки и белоруссы-католики», натравливающую белорусов на поляков и напечатанную в консервативной газете «Россия» (1910, № 1548).

²⁹ Известно участие Черного в пражском съезде студентов в 1908 г. и его личные сношения с представителями белорусского студенческого движения братьями Луцкевич: Антоном Ивановичем, в Чехии известным как журналист Антон Новина (1884–1942 гг.), и Иваном Ивановичем (1881–1919 гг.).

³⁰ Максим Горький, автор русского перевода этого стихотворения, предвещал, что оно *možná časem stane [se] národní hymnou Bělorusů* (цит. по послесловию Йосефа Румлера в антологии «Básníci Bílé Rusi. Výbor z běloruské sovětské poesie». Praha 1955, s. 320); тоже срв. анонимное сообщение *Maxim Gorkij a Janko Kupala*. «Literární povíčky» 3, 1929, č. 21 (61), s. 6, 28, 11.; как о реальном факте о «гимне» пишет Тихий в заглавии своего перевода «Kdo to kráčí sem? (Běloruská hymna)».

³¹ Ф. Тихий перевёл ещё несколько стихотворений Я. Купалы: *Prý zpívám*. Čin 1, 1929–1930, s. 1193; *Prý zpívám. – Tu stojím, ruce křížem. – Jubilejní nálada*. Země 14, 1934, s. 78–80; *Z jubilejních nálad*. In: Пјаšевич, М.: *Bělorus a Bělorusové*. Český čtenář 21, sv. 6–7, Praha 1930, s. 101–103; о Купале также публиковал подробный медальон *Pěvec socialistické Bílé Rusi*. Sovětská literatura 3, 1954, s. 752–754.

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крывіду.

А куды ж нясуць гэту крывіду ўсю,
А куды ж нясуць на паказ сваю?
– На свет цэлы.

А хто гэта іх, не адзін мільён,
Крывіду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
– Бяда, гора.

А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца.³²

Kdo to kráčí sem? (Běloruská hymna)

А kdo to kráčí sem? Kdo to kráčí sem,
nepřehledným tím, strašným zástupem?
Bělorusi.

А co nesou to na svých plecích mdlých,
laptě na nohách, v rukách krvavých?
Svoji křivdu.

Kam to hodlají tu svou křivdu dát?
Komu oni ji nesou ukázat?
Všemu světu.

А kdo tento lid – miliony to –
učil křivdu nést, co je vzkřísilo?
Bída, hoře.

Čeho, čeho jen zachtělo se jim,
slepčům, hluchčům těm, věky deptaným?
Býti lidmi!³⁴

Co nese lid ten plecí hubených,
jen v laptích nohy, rukou zchromených?
– Svoji křivdu.

А komu nesou tuto křivdu svou,
kam ukázat ji zástupy ty jdou?
– Všemu světu.

Kdo kázal jim, by v širý světa díl
svou křivdu nesli? Kdo je probudil?
– Bída, hoře.

А po čem touží, čeho může chtít
ten pohrdaný, slepý, hluchý lid?
– Býti lidmi.³³

A kdo to tam kráčí?

А kdo to tam kráčí v bažinách a lesích
v tak nespočetných zástupech?
Bělorusi.

А co to na zhublých bedrech nesou s mukou,
co třímají to v hubených svých rukou?
Křivdu svoji.

А kam tu křivdu donést zamýšlejí
a komu ukázat tu křivdu chtějí?
Všemu světu.

А kdo je – ne pouhý milion – křivdu nésti
naučil, kdo ze sna probudil je pěstí?
Nouze, hoře.

А co že nyní chtějí z hloubi duší,
po věky utištěni, slepí, hluchí?
Lidmi zvat se!³⁵

Черный, хотя и пытается быть лексически близким – глаголы «*ідзе*» («*jde*»), «*разбудзіў*» («*probudil*»); фраза «*худых плячах*» («*plecí hubených*»); реалия «*у лапцях*» («*v laptích*»); прилагательные «*пагарджаным*», «*сляпым*», «*глухім*» («*pohrdaný*», «*slepý*», «*hluchý*» [lid]) –, вместо числового определения «*не адзін мільён*», которое ему, видимо, не показалось достаточно поэтичным, привёл иносказание о неправде

³² Я. Купала, *Вершы. Пераклады 1904–1907*. Поўны збор твораў у 9 тамах. Том I. Мінск 1995, с. 196.

³³ А. Černý, *Běloruské snahy národní a literární v [etech] 1909–[19]10* [op. cit., сноска 23], с. 411.

³⁴ J. Kupała, *Kdo to kráčí sem? (Běloruská hymna)*. Přel. František Tichý. Národní osvobození 12, 1935, č. 192, příl. Hodina nedělního čtení, č. 27, 18. 8.

³⁵ *Básníci Bílé Rusi. Výbor z běloruské sovětské poesie* [op. cit., сноска 28], с. 11.

(«А хто гэта іх [...] Крыўду несць найчыў?») с пространственным обозначением, которое, в связи с большим числом несущих неправду (не только «один миллион», как это проявилось в русской публицистике), выразил как «*v širý světa díl*», т. е. «в обширный мир»; определённым сдвигом была и замена глагола «*найчыўць*» несколько книжным «*kázat*», т. е. «проповедовать»: идиоматическое сочетание «страдание/бедствие научило кого-то что-то делать», имеющее эквивалент в белорусском языке, дало у Черного некоторое семантическое отклонение от их собственного значения; заключительное «*Людзьмі звацца*» он заменил на сочетание «*Býti lidmi*», т. е. «быть людьми». Несмотря на эти незначительные недостатки, в целом Черный сделал очень хороший перевод, по крайней мере, примерно на два десятилетия раньше попытки Тихого, и повторно публикует его в 1927 году (вместе с «Моей верой») в «*Rudé právo*» по случаю пребывания Я. Купалы на лечении в санатории Карловых Вар³⁶ и в третий раз (опять вместе с «Моей верой» и тематически аналогичным стихотворением «Цару неба й зямлі») в хрестоматийной части книги «*Bělogus a Bělogusové*» (подготовленной в Праге Миколой Ильяшевичем); перевод Черного был даже включен в антологию стихов «А хто там ідзе?» в переводе на 82 языка в 1983 году³⁷, что означает, что его редакторы Вячаслаў Рагойша и Ядвига Раманоўская отдали ему приоритет перед другими чешскими переводами. Этот жест свидетельствует о высокой его репутации и уважении, которые были живы в белорусских литературных кругах в течение многих лет после смерти Черного.

³⁶ J. Kupala, *Z předválečné poezie [Moje víra. – Kdo tam jde?]*. Přel. ? [= A. Černý]. *Rudé právo* 8, 1927, č. 240, příl. Dělnická besídka, s. 1, 9. 10. – Купала посетил Чехословакию несколько раз: в 1925 г. вместе с белорусским поэтом Михасем Чаротом побывал в Праге (об этом срв. *Národní politika* 43, 1925, č. 203, s. 8, 26. 7.; *Venkov* 20, 1925, č. 245, s. 7, 21. 10.; *Národní osvobození* 2, 1925, č. 288, s. 5, 21. 10.; «*Slovanský přehled*» 17, 1925, s. 666); после в 1927 г. посетил Карловы Вары и опять Прагу вместе с Чаротом, Цишкой Гартным и Михасем Зарецким (срв. *Maják* 4, 1927–1928, č. 7, s. 85; «*Rudé právo*» 8, 1927, č. 190, s. 6, 11. 8.; *Právo lidu* 36, 1927, č. 218, s. 6, 14. 9.; *Lidové listy* 6, 1927, č. 217, s. 6, 20. 9.; «*Národní osvobození*» 4, 1927, č. 260, s. 3, 20. 9.; *Literární noviny* 1, 1927, č. 10, s. 4, 15. 9.; č. 11, s. 4–5, 29. 9.; *Národní osvobození* 4, 1927, č. 275, s. 5, 5. 10.; Č. [= Černý, A.]: *Janka Kupala v Praze*. «*Slovanský přehled*» 19, 1927, s. 639); в третий раз он приезжал в 1935 г. с делегацией советских писателей («*České slovo*» 27, 1935, č. 231, s. 10, 5. 10.; «*Haló noviny*» 3, 1935, č. 272, s. 4, 6. 10.). – О нем в межвоенной Чехословакии писали напр. Cháb, V.: *Velké literární jubileum Bílé Rusi*. *Národní osvobození* 7, 1930, č. 287, s. 2, 18. 10.; Fr. Hr. [= Hryškevič, F.]: *25 let literární činnosti Janka Kupaly...* «*Slovanský přehled*» 22, 1930, s. 780–781; [an.]: *Svobodný národ slaví svého básníka*. «*Rudé právo*» 16, 1935, č. 292, s. 6, 15. 12. Melniková - Papoušková, N.: *Z rozhovorů se sovětskými spisovateli*. *Prítomnost* 12, 1935, s. 665–667.

³⁷ Я. Купала, *А хто там ідзе? на мовах свету*. Укладанне В. Рагойшы, Я. Раманоўскай, Мінск 1983, с. 132.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что это исследование должно было быть подготовкой к запланированной обширной статье (или монографии) об историческом развитии белорусской литературы (в белорусском журнале «Полымя» ещё спустя 17 лет можно прочесть сообщение: “Знаўца беларускай літаратуры, чэскі-грамадзкі дзеяч Адольф Чорны, рыхтуе да друку агляд сучаснай беларускай літаратуры”³⁸), но этот план, по неизвестным причинам, не был окончательно реализован, и, к сожалению, никаких следов подобных проектов мы не находим даже в наследии Черного³⁹.

К белорусской поэзии Черный как переводчик вернулся в 1926 году, когда в качестве поклонника Я. Купалы под псевдонимом Иржи Рубин представил в чешском контексте вообще первый обширный пример его творчества, исключительно из сборника «Спадчына» (1922)⁴⁰.

Рубин-Черный как предисловие к своему переводу написал краткий очерк о Купале. Он виделся ему поэтом *классов, тяжело трудящихся, из которых вышел и он [Купала] сам* – поэтому его стихи отличаются глубоким социальным чувством и романтическим пафосом:

Kupala má přímo bolestně rozžhavený národní a sociální cit, stupňující se až k prudké nenávisti proti utlačovatelům a ke vzpouře proti Bohu. Některé jeho básně prozrazují, že se mnoho učil u velkých polských romantiků a jich epigonů. Prudkost citu arcí nedovoluje, aby se věnoval vybroušení formy, aby dbal správnosti rýmů a rytmu, třebaže jeho básnická forma vesměs drží se ještě vzorů, které těchto pravidelností dbaly; ale není to jeho veršovaným pracím na závadu, naopak dodává jim to zvláštního drsného přízvuku, souhlasného s ponurostí, prudkostí a drsností obsahu⁴¹.

Сборник стихов «Спадчына» представляет собой поэтический урожай Купалы с относительно длительного периода – 1905–1919 гг., а Черный выбрал для перевода четыре стихотворения: «Брату-беларусу» («Bratru Bělorusu», датированную 1913 г.) с самого начала и «Цару неба й зямлі» («Králi nebes a země», дат. 24 декабря 1912 г.) из окончания первой части, «Мая вера» («Moje víra», дат. 1918 г.) из середины третьего раздела и «*Не глядзі...*» («Ó nehled'...», дат. 1906 г.) из

³⁸ «Полымя», 1928, № 4, с. 208.

³⁹ Оно хранится в Праге, Masarykův ústav a Archiv Akademie věd české republiky, v. v. i., фонд *Adolf Černý*; этот фонд обработан только частично, без внутриархивного справочного аппарата и других пособий.

⁴⁰ J. Kupała, *Z knihy „Spadčyna“*. Přel. a biografickou poznámku napsal Jiří Rubín [= A. Černý]. Slovanský přehled 18, 1926, s. 247–252.

⁴¹ *Ibidem*, с. 247–248.

конца четвёртого раздела. С точки зрения общей композиции сборника и представления его главных мотивов это был взвешенный выбор, однако был ли выбранный метод интерпретации приемлем в десятых годах – констатировать без оговорок в 1926 году нельзя – снова (как и в случае монументального эпического эпоса Словацкого) повторился (хотя и в меньшей степени) нежелательный эффект «лумирования» средств выражения, теперь в поэтическом переводе Купалы, чьё поэтическое творчество мы подробно анализируем в другой своей статье⁴².

Адольфа Черного без преувеличения можно назвать основателем чешской белорусистики, прежде всего с точки зрения литературоведческой, и первым переводчиком белорусской художественной литературы – особенно поэтических произведений Янки Купалы и Якуба Коласа – на чешский язык⁴³. В европейском контексте он относится к одним из первых иностранцев, сочувствующих молодому белорусскому национальному движению, продолжая возникшую в XIX-ом веке чешскую традицию смотреть на белорусов как на самостоятельную нацию, имеющую самостоятельный литературный язык и свою оригинальную историю, письменность и культуру.

Хотя Черный и не создал всеобъемлющей философской славянской концепции, его учредительные положения можно проследить в богатом, многогранном творчестве: основную миссию славянства Черный видит в высоком христианском идеале истины и справедливости в противовес моральному разложению, разрушению и социальному упадку, считая высшим проявлением славянского гения – Яна Гуса, учение чешских братьев и философско-литературное наследие Льва Николаевича Толстого. Нельзя не согласиться с синтетическими выводами исследования *славизма* Черного, вышедшими из-под пера его биографа Отакара Бартоша, согласно которых главное значение наследия Черного заключается в честной информативно-аналитической публицистике, помогающей *сломать туманные романтические представления о славянстве во имя неопровержимой действительности и некритические русофильские, самодержавные тенденции во имя равенства, демократи-*

⁴² M. Černý, *Adolf Černý jako první český překladatel novodobé běloruské literatury* [ор. cit., сноска 1], s. 99–103.

⁴³ Черны является также первым чешским переводчиком *jediného běloruského básníka vzešlého z průmyslového proletariátu* Цишки Гарного (1887–1937 гг.), именно фрагмента его «песни» «*Без работы*» («*Bez práce*») из второго сборника стихов автора «*Песні працы і змаганя*» (Бэрлін 1922; «*Песни труда и усилия*»), но этот перевод имеет для чешской рецепции белорусской литературы только маргинальное значение; срв. Č. [= Černý, A.]: *Čiška Hartny*, „Slovanský přehled“ 21, 1929, s. 75–76.

ческого права на свободу всех славянских народов⁴⁴. Глядя на его реалистичную, гуманистическую масариковскую концепцию славянства через призму современного состояния белорусского образования, языка, литературы, культуры и вообще в целом нездорового состояния общества, не только управляемого местным пост-коммунистическим режимом, но и зажатого имперскими клещами соседнего гегемона – России, чьё расположение стараются снискать представители белорусского государства, – видно, что центральные требования этой программы, как и многие годы назад, несут печать актуальности и в наше время.

STRESZCZENIE

ADOLF CZERNY I BIAŁORUSKA LITERATURA

Adolf Czerny (1864–1952) jest pierwszym tłumaczem białoruskiego utworu literackiego – wiersza Jakuba Kołasa (1882–1956) „Kraju rodzinny sercu miły” – na język czeski. Głównym celem pracy tłumacza było przybliżenie czeskiemu odbiorcy współczesnej literatury białoruskiej, w tym utworów Jakuba Kołasa i Janka Kupały.

W artykule omówiono metodę tłumaczeniową Czernego, jego zainteresowanie literaturą białoruską w szerszym kontekście slawistycznej działalności autora.

Słowa kluczowe: słowiańskie studia literaturoznawcze, czesko-białoruskie związki literackie, translatoologia, recepcja literatury, literatura białoruska, Adolf Czerny (1864–1952), Janka Kupała (1882–1942), Tomasz Ganigue Masaryk (1850–1937).

SUMMARY

ADOLF ČERNÝ AND THE BELARUSIAN LITERATURE

The author analyses translations of Belarusian literature and texts on Belarusian issues prepared by the Czech journalist, poet, slavist and interpreter Adolf Černý (1864–1952). Although we can call him a pioneer in the Belarusian studies in Czech Republic, his name is associated rather with his work for the magazine “Slovanský přehled” (“Slavonic Review”, founded in 1898) and with his translation activities and the Sorabian studies. He knew Belarus from his own experience (he visited it in 1889 and 1897).

⁴⁴ O. Bartoš, *Adolf Černý, pěstitel česko-polské vzájemnosti* [op. cit., сноска 1], s. 50.

He published articles about Belarus in the magazines “Světazor”, “Čas” and “Slovanský přehled”. He was the first to translate into the Czech language a poetry of the Belarusian classics Jakub Kolas and particularly Janka Kupala. The study focuses on Černý’s translation method and directs its interest at the Belarusian studies in the broader aspect of the author’s activities related to the Slavonic studies.

Key words: Slavonic literary studies, Czech-Belarusian literary relations, translatology, literary reception, Belarusian literature, Adolf Černý (1864–1952), Janka Kupala (1882–1942), Tomáš Garrigue Masaryk (1850–1937).